

Боевой конь дробил копытами рассыпанное по земле золото заката. Юный генерал наклонился, протягивая ему руку. Серебряные доспехи переливались в лучах уходящего солнца, а черные волосы развевались на ветру.

Он склонил голову, приподнял бровь, и в его голосе зазвучали вкрадчивые нотки:

— Залезай, послушный пёсик...

В его тоне сквозило нескрываемое воодушевление, а улыбка грела лучше солнца.

Лу Янь ошеломленно смотрел на него. Лишь спустя мгновение он пришел в себя, закусил губу и протянул свои прохладные пальцы. В следующую секунду его крепко схватили за руку.

Когда юный генерал рывком втащил его на коня, наруч скользнул по его запястью, вызывая волну мурашек.

Грудь генерала за его спиной вибрировала от чистого, звонкого смеха, отчего сердце Лу Яня сбилось с ритма.

— Братец...

— М? Ну что, весело? — генерал с озорным блеском в глазах внезапно сжал бока коня, и Лу Янь от инерции откинулся назад.

Танси Чэнь крепко обнял его одной рукой за талию. Лу Янь застыл, глядя на позолоченный наруч, охвативший его пояс, и робко накрыл ладонь генерала своей:

— Очень весело, братец.

...

Закат окрасил две фигуры в янтарный цвет. Лу Янь слегка склонил голову, то и дело тыча лбом в шею юного генерала.

— Просыпайся, — Танси Чэнь слегка ткнул его колчаном в бок и с деланной досадой произнес: — Мы же договаривались, что ты будешь учиться управлять конем одной рукой...

Ответом ему было ровное дыхание. Танси Чэнь вздохнул, бережно развернул его, заставив обнять себя за пояс, и они медленно поехали домой, сидя лицом к лицу. Движения генерала были невероятно нежными, хотя на словах он ворчал:

— Опять потяжелел. Пройдет пара лет, и я тебя уже не подниму...

Генерал напевал какой-то пограничный мотив, неспешно возвращаясь в лучах заходящего солнца.

Тайные стражи, притаившиеся в десяти чжанах, шептались:

— Наш господин действительно позволяет кому-то спать у себя на плече?

— Ты здесь новенький? В прошлый раз, когда этот безумный мальчишка заболел, генерал держал его на руках всю ночь, даже в туалет не отпуская...

Речь не успели закончить — в голову говорящего прилетел жареный каштан. Лу Янь открыл глаза, и хотя кончики его ушей покраснели до боли, он сделал вид, что просто ворочается, лишь крепче сжав руки на талии Танси Чэня.

Когда лунный свет лег на седло, они наконец вернулись в поместье генерала. Танси Чэнь подхватил его на руки и спрыгнул с коня.

А татуировка в виде созвездия Ковша на груди юного генерала была уже тысячу раз обведена кончиками пальцев притворяющегося спящим пёсика.

—

Третий год.

Ветер приграничья снова разметал сушившиеся на подоконнике травы. Лу Янь наклонился, чтобы собрать их, и колокольчик на его запястье отозвался чистым, мелодичным звоном.

В мыслях он раз за разом прокручивал картины сражений, в которых участвовал Танси Чэнь. Чем больше он думал, тем тревожнее становилось на душе. Стоя в поместье генерала и глядя вдаль, он впивался ногтями в старые шрамы на ладонях.

Позавчерашнее донесение с фронта было испачкано в углах пугающими темно-красными пятнами, а чернила расплылись, скрывая часть строки: «Победа, не волнуйся».

И ни слова о том, не ранен ли юный генерал.

Лу Янь не знал, почему тот запрещает ему учиться боевым искусствам или сдавать государственные экзамены, но в этом мире был лишь один человек, который относился к нему с добротой, поэтому он не делал того, что было неприятно его господину.

Он просто хотел всегда видеть его, всегда быть рядом.

Тем временем Танси Чэнь сбросил голову вражеского военачальника под ноги коню и, слегка коснувшись раны на груди, с досадой подумал:

— Вот беда, опять придется выслушивать нотации несколько месяцев...

После наступления темноты Лу Янь, как обычно, застыл у ворот, словно каменный страж, не сводя прямого взгляда с дороги. И вдруг...

Неподалеку послышался знакомый стук копыт.

Сердце юноши подпрыгнуло к самому горлу. Тело, онемевшее от долгого ожидания, среагировало быстрее разума, и он бросился вперед, едва успев подхватить юного генерала, который, весь в крови, соскочил с коня.

На уголках глаз того еще запеклась кровь, но улыбка сияла ярче солнца:

— Милый малыш, я сорвал вражеское знамя, чтобы использовать его как половую тряпку. Хочешь взглянуть?

—

Вернувшись в поместье, они снова зажили привычной жизнью, и каждые три минуты можно было услышать: — Танси Чэнь! Ты опять...

Снова эти звуки, снова эти фразы...

Но в этот день было подозрительно тихо. Пёсик куда-то запропастился.

Лишь к вечеру Танси Чэнь наконец увидел его. Он приоткрыл принесенную тем коробку с едой и брезгливо поморщился:

— Откуда в пирожных с османтусом запах крови?

Лу Янь опустил голову и бесстрастно ответил:

— Для собак.

Тайный страж прошептал:

— Он прирезал колдуна, который проклинал вас на скорую смерть...

Юный генерал с досадой приподнял бровь и внезапно ущипнул его за щеку:

— Мой милый малыш превратился в злую собачку.

Лу Янь послушно склонил голову, позволяя себя щипать.

Танси Чэнь тихо рассмеялся:

— И к чему теперь эта покорность? Пёсик?

— Гав-гав, я послушный.

— Пф-ха-ха-ха...

—

— Не двигайся. — Танси Чэнь сжал в руке рассыпанные серебристые волосы Лу Яня, медленно вырисовывая кистью с киноварью руну на затылке юноши.

Тот покорно замер, опустив голову, но кончики его ушей стали пунцовыми. Он не сдержался и прошептал:

— Так хочется утащить тебя в храм Старика Луны...

Его голос был тихим, как дуновение ветра, словно он говорил это только для себя.

Красная нить судьбы то появлялась, то исчезала на их запястьях. Танси Чэнь тихо усмехнулся: в этом не было нужды.

—

Четыре года спустя, праздник Фонарей.

Лу Янь следовал за генералом, наблюдая, как тот входит в Башню Чжуцзюэ и как его тут же окружают знатные девицы.

Прекрасный юный генерал сегодня был в золотой короне, его белоснежный парчовый халат

был расшит созвездиями, а на складном веере красовались четыре иероглифа «Мир во всем мире», которые, казалось, отражали тысячи огней, отчего у Лу Яня нестерпимо защемило сердце.

Он смотрел, как генерал принимает фонарь в форме лотоса из рук девушки в дымчатом шелке. Лу Янь слизывал с пальца остатки кедровой карамели, чувствуя невыносимую горечь.

Серебряный колокольчик на запястье тихо звякнул — Танси Чэнь сам надел его, когда нашел, сказав, что это принесет удачу.

Из павильона донесся звонкий смех.

Лу Янь поднял взгляд и увидел, как Танси Чэнь втыкает складной веер в прическу одной из барышень, касаясь пальцами её покрасневшей мочки уха.

Он невольно прикусил палец до крови, и капля, смешавшись с сахарной глазурью, упала на черепицу.

Когда он пришел в себя, то не знал, где находится. Разве может маленький питомец вмешиваться в дела своего хозяина?

Он не видел, что пальцы Танси Чэня, отстраняясь, сжимали спрятанную в волосах девушки записку с военными донесениями.

—

Прошло еще полгода.

Юный генерал достиг совершеннолетия.

Лу Янь с грохотом бросил на стол окровавленный меч генерала:

— Танцовщиц, которых прислал министр обрядов, я убил.

Танси Чэнь нахмурился. Лу Янь решил, что тот рассердился из-за того, что он расправился с женщинами, и сердце сжалось от боли.

Но человек перед ним сказал:

— Я же говорил тебе не прикасаться к оружию! Я ведь запрещал тебе учиться этому!

— Я и так это умел.

Танси Чэнь вдруг понял: некоторые вещи невозможно предотвратить. Он горько усмехнулся.

Поправляя головной убор, он вернул себе прежний небрежный тон:

— Пёсик, от тебя несет ревностью так, что хватило бы на три котла рыбы в кисло-сладком соусе.

Лу Янь опустил голову, не понимая своих чувств. Ревность?

—

Наконец.

В толпе во время праздника Фонарей Лу Янь внезапно прижал Танси Чэня к Древу Судьбы и провел пальцами по темному узору, проступившему на его пояснице:

— Почему ты скрыл от меня, что мы — истинные партнеры?

Тот, жуя кедровую карамель, пробормотал:

— Боялся, что узнаешь о необходимости Двойного совершенствования...

Сахарный сироп был внезапно слизан, и юноша, покусывая его за мочку уха, прошептал:

— Теперь знаю.

— И почему же кто-то, услышав эту новость, расплакался? М? От радости? — Танси Чэнь, ничуть не смущаясь агрессивного настроения пёсика, приблизился к его лицу и беспечно улыбнулся.

Юноша, прикусив его ухо, усмехнулся, не отрицая. Он закинул этого невыносимого человека на плечо и понес в поместье, а вслед им донесся звук упавшего на землю веера из кости дракона.

Лу Янь охрипшим голосом прикусил кадык Танси Чэня:

— Братец, теперь твоя очередь плакать для меня.

— Нет! Это неправильно!

— Что именно?! Всё как раз очень правильно!

— М-м...

— Как же красиво братец плачет... — Лу Янь впился зубами в его ключицу. — Ты же сам говорил: раз подобрал, значит, моё?

— ...

— А теперь кто чей? Братец?

— Паршивая собака! — у глаз генерала выступили слезы, он хотел выругаться, но его снова поцеловали. А тот, целуя, шептал: — Братец... не зря ты генерал...

Поскольку послушный пёсик превратился в бешеную собаку, которая кусалась каждый день, господин генерал наконец не выдержал, вскочил на коня и уехал жить в военный лагерь.

<http://bllate.org/book/22283/2333098>